

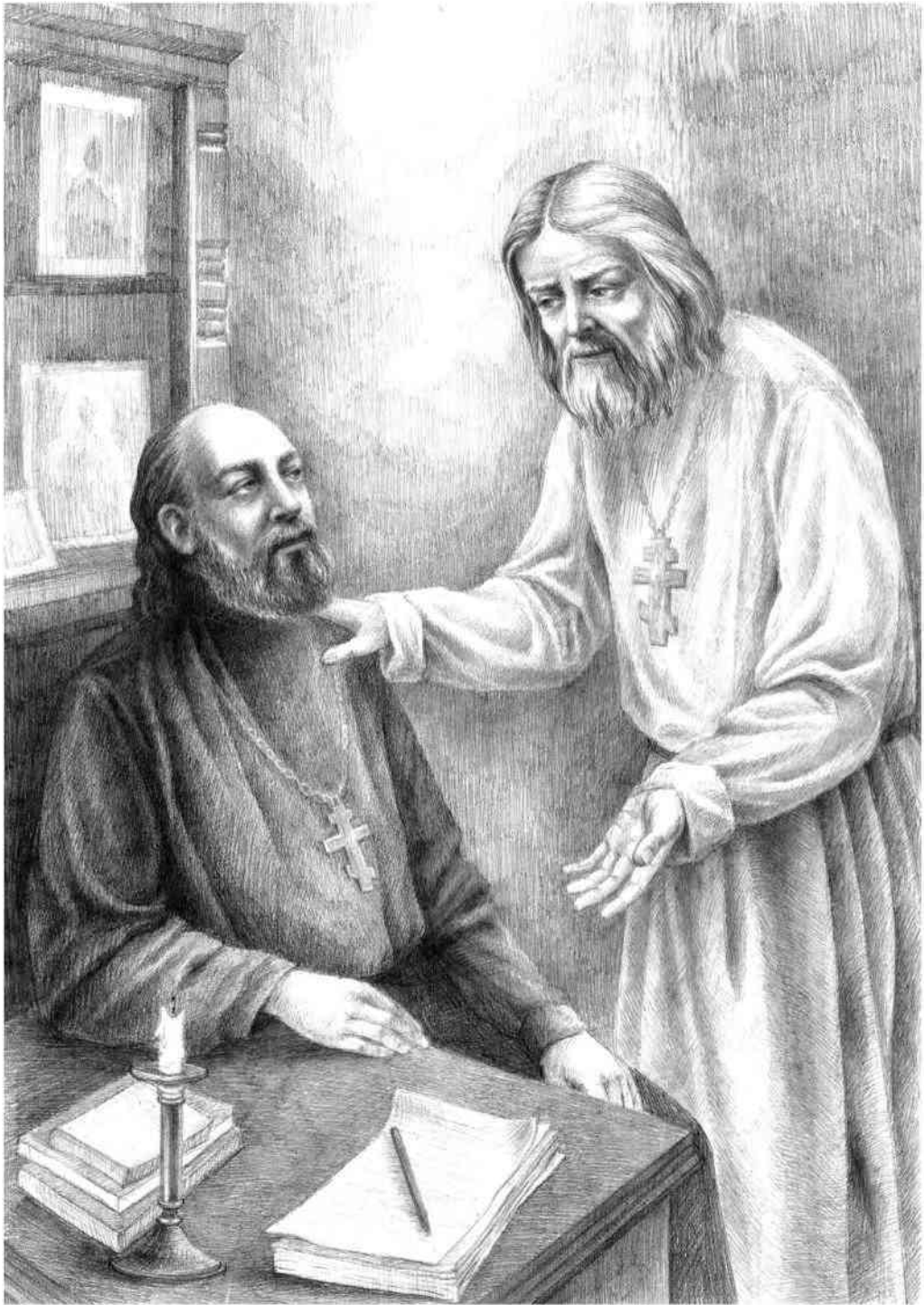
Летопись
Серафимо-Дивеевского
монастыря

с жизнеописанием основателей ее
схимонахини Александры, урожденной А. С. Мельгуновой,
и блаженного старца иеромонаха Серафима
и его сотрудников М. В. Мантурова,
протоиерея Василия Садовского,
блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой,
Н. А. Мотовилова, сподвижниц обители и других

Составил священномученик Серафим (Чичагов)

Издание второе, исправленное и дополненное

Свято-Троицкий
Серафимо-Дивеевский женский монастырь
2024 год

Оглавление

Предисловие 17

Глава 1. Четыре удела Божией Матерью на земле: Иверия, Афон, Киев и Дивеево. Флоровский женский монастырь в Киеве. Полковница Агафья Семеновна Мельгунова – первоначальница обители на месте четвертого жребия Матери Божией на земле – в селе Дивеево. Общежительная Саровская пустынь; история ее. Иеросхимонах Иоанн 21

Глава 2. Настоятель Саровской пустыни – Дорофей. Иеромонахи Филарет, Маркелл и Исаакий. Строитель иеромонах Ефрем. Разноречивые печатные показания о приезде А. С. Мельгуновой в Саров и Дивеево. Переезд матери Александры на жительство в д. Осиновку, смерть дочери и решение ее распродать имение и отпустить крестьян на волю. Построение Мельгуновой храмов Божиих и добрые ее дела. Голодные годы, в особенности 1775-й, и чудо в Саровской пустыне. Поездки матери Александры в Казань и Киев. Жизнь ее в Дивеево, труды и тайные благодеяния. Настоятель Саровской пустыни о. Пахомий, старец игумен Назарий. Иеросхимонах Дорофей, схимонах Марко и другие. Иеросхимонах Иосиф, иеромонахи Матфей, Питирим и Иоаким. Казначей о. Исаия. Устройство общины при Казанской церкви. Отношение матери Александры к юному послушнику и затем иеродиакону Серафиму 37

Глава 3. Жизнеописание о. Серафима от рождения до поступления в монастырь. Прибытие в Саровскую пустынь, прохождение послушаний, духовные подвиги и любовь к нему начальников. Болезнь юного Прохора и исцеление его Божией Матерью. Пострижение в монашество в 1786 году и посвящение в сан иеродиакона в 1787 году. Поездка на похороны помещика Соловцова³ в 1789 году, первое и единственное посещение Дивеева, матери Александры

³ Автор пишет фамилию помещика села Леметь «Соловцев», но согласно документам, например, «Летописи о церкви с. Лемети Ардатовского уезда, написанной священником Магнитским» (ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. № 68), фамилия упоминаемого сщмч. Чичаговым секунд-майора Соловцова Александра Степановича пишется с буквой «о».

всегда горело многое множество свеч пред святыней. Посетители, приходя к старцу, приносили для сего свечи, масло и иногда полагали деньги на покупку их, которые о. Серафим не всегда принимал. Насчет этого множества свеч о. Серафим говорил следующее: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред святой иконой. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот пал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои колена за него пред благоутробием Божиим». Так говорил о. Серафим проживавшему в г. Арзамасе крестьянину Василию Петровичу Вавилову, работавшему в Дивееве и у о. Серафима пользовавшемуся особенным его вниманием и доверием. Вот и предстоял, таким образом, другому любимцу о. Серафима, г. Воротилову, случай пасть в смертный грех. Отец Серафим, видя то, начал молиться, преклоняя колени, да спасет Господь душу его от погибельного греха. Господь милосерд: спас его. Поэтому при свидании старец заметил Воротилову, что в такое-то время и в таком-то месте мы, по милосердию Божию, избавлены от ада за молитвы убогого Серафима (там же).

Отцу Серафиму было суждено еще при своей жизни потерять любимую дивеевскую послушницу свою Елену Васильевну Мантурову, которую он горько оплакивал. Кончина и последние дни этой великой рабы Божией поистине замечательны! (Записки протоиерея В. Садовского, Н. А. Мотовилова, показания сестры Ксении).

Елена Васильевна незадолго до своей смерти начала как бы предчувствовать, что батюшке о. Серафиму недолго осталось жить. Поэтому она часто говорила со скорбью окружающим: «Наш батюшка ослабеваает; скоро, скоро останемся без него! Навещайте сколь возможно чаще батюшку, недолго уже быть нам с ним! Я уже не могу жить без него и не спасусь; как ему угодно, не переживу я его; пусть меня раньше отправят!» Однажды она высказала это и о. Серафиму. «Радость моя! – ответил батюшка. – А ведь служанка-то твоя ранее тебя войдет в Царствие-то, да скоро и тебя с собой возьмет!» Действительно, любившая ее и не желавшая расстаться с нею крепостная девушка Устинья заболела чахоткой. Ее мучило, что она по болезни занимает место в маленькой и тесной келии Елены Васильевны, и она постоянно повторяла: «Нет, матушка, я уйду от тебя, нет тебе от меня покоя!» Но Елена Васильевна уложила Устинью на лучшее место, никого не допускала ходить за нею и сама служила ей от всего сердца. Перед смертью Устинья сказала Елене Васильевне: «Я видала чудный сад, с необыкновенными плодами... Мне кто-то и говорит: этот сад общий твой с Еленой Васильевной, и за тобой скоро и она придет в этот сад!» Так и случилось.

Михаил Васильевич Мантуров заболел в имении генерала Куприянова злокачественной лихорадкой и, как говорилось уже, написал пись-

мо сестре Елене Васильевне, поручая ей спросить батюшку о. Серафима, как ему спастись. Отец Серафим приказал разжевывать ему горячий мякиш хорошо испеченного ржаного хлеба и тем исцелил его. Но вскоре он призвал к себе Елену Васильевну, которая явилась в сопровождении своей послушницы и церковницы Ксении Васильевны, и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?» «Я всегда вас слушала, – ответила она, – и всегда готова вас слушать!» «Во-во, так, радость моя! – воскликнул старец и продолжал: – Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время ему умирать... умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» «Благословите, батюшка!» – ответила Елена Васильевна смиренно и как будто покойно. Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! Я боюсь смерти!» «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! – ответил о. Серафим. – Для нас с тобой будет лишь вечная радость!»

Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порог келии, тут же упала... Ксения Васильевна подхватила ее, батюшка о. Серафим приказал положить ее на стоявший в сенях гроб, а сам принес святой воды, окропил Елену Васильевну, дал ей напиток и таким образом привел в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!»

По рассказам очевидцев, ее кончина была замечательная. В первую же ночь она видела знаменательный сон. На месте Казанской дивеевской церкви была как бы площадь или торжище, и на ней великое множество народа... Вдруг народ расступился перед двумя воинами, которые к ней подошли. «Иди с нами к Царю! – сказали они Елене Васильевне. – Он тебя к Себе призывает!» Она повиновалась и пошла за воинами. Ее привели к месту, на котором восседали необычайной красоты Царь и Царица, Которые, приняв ее смиренный поклон, сказали: «Не забудь 25-го числа, мы тебя к Себе возьмем!» Проснувшись, Елена Васильевна рассказала всем свой сон и приказала записать число... Только тремя днями пережила она его.

За эти несколько дней болезни Елена Васильевна особоровалась и насколько возможно часто приобщалась Святых Тайн. Духовник ее, о. Василий Садовский, видя ее слабость, посоветовал было ей написать брату Михаилу Васильевичу, который ее сильно любил, но она ответила: «Нет, батюшка, не надо! Мне будет жаль их, и это возмутит мою душу, которая уже не явится ко Господу такую чистою, как то подобает!»

Трое суток до смерти Елена Васильевна была постоянно окружена видениями, и для непонимающих людей могло казаться, что она в забытии. «Ксения! Гости будут у нас! – вдруг произнесла она. – Смотри же, чтобы у нас все было здесь чисто!» «Да кто же будет-то, матушка?» – спросила ее послушница. «Кто?! Митрополиты, архиереи и весь духовный причт», – ответила она удивленно. В день смерти Елена Васильевна опять повторила: «Ксения! Не накрыть ли стол-то? Ведь гости скоро будут!» Ксения Васильевна тотчас согласилась и исполнила желание умирающей, накрыв стол белой, чистой скатертью. «Смотри же, Ксения, – твердила Елена Васильевна, – чтобы все, все у тебя было чисто, как возможно чисто!» Когда же она увидела, что все исполнено ее послушницей, поблагодарила и произнесла: «Ты, Ксения, не ложись, а Агафье Петровне вели лечь... И ты не садись, смотри, Ксения, а так, постой немного!» Умирающая была окружена образами. Но вдруг, вся изменившись в лице, радостно воскликнула она: «Святая Игуменья!.. Матушка, обитель-то нашу не оставь!..» Долго-долго со слезами молила умирающая все об обители и много, но несвязно говорила она, а затем совершенно затихла. Немного погодя, как бы опять очнувшись, она позвала Ксению, говоря: «Где же это ты? Смотри, еще гости ведь будут!..» – потом вдруг воскликнула: «Грядет! Грядет... Вот и Ангелы!.. Вот мне венец и всем сестрам венцы!..» Долго еще говорила, но опять непонятно. Видя и слыша все это, Ксения Васильевна в страхе воскликнула: «Матушка! Ведь вы уходите! Я пошлю за батюшкой!» «Нет, Ксеньюшка, погодите еще, – сказала Елена Васильевна, – я тогда сама скажу вам!» Много времени спустя она послала за о. Василием Садовским, чтобы в последний уже раз особороваться и приобщиться Святых Христовых Тайн (Записки Н. А. Мотовилова и летописные сказания обители).

Во время исповеди, как собственноручно написал о. Василий, умирающая поведала, какого видения и откровения она была раз удостоена.

«Я не должна была ранее рассказывать это, – объяснила Елена Васильевна, – а теперь уже могу! В храме я увидела в раскрытых царских дверях величественную Царицу неизреченной красоты, Которая, призывая меня ручкой, сказала: „Следуй за Мною и смотри, что покажу тебе!“ Мы вошли во дворец; описать красоту его при полном желании не могу вам, батюшка! Весь он был из прозрачного хрустала, и двери, замки, ручки и отделка – из чистейшего золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Только подошли мы к дверям, они сами собой отворились, и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были все запертые двери. Приблизясь к первым дверям, которые тоже при этом сами собой раскрылись, я увидела огромное зало, в нем были столы, кресла, и все это горело от неизъяснимых украшений. Оно наполнялось сановни-

ками и необыкновенной красоты юношами, которые сидели. Когда мы вошли, все молча встали и поклонились в пояс Царице. „Вот смотри, – сказала Она, указывая на всех рукой, – это Мои благочестивые купцы...“ Предоставив мне время рассмотреть их хорошенько, Царица вышла, и двери за нами затворились сами собой. Следующая зала была еще большей красоты, вся она казалась залитой светом! Она была наполнена одними молодыми девушками, одна другой лучше, одетыми в платья необычайной светлости и с блестящими венцами на головах. Венцы эти различались видом, и на некоторых было надето по два и по три зараз. Девушки сидели, но при нашем появлении все встали молча, поклонились Царице в пояс. „А это мои фрейлины“, – сказала Она мне, указывая на них, и при этом ласково, милостиво и нежно добавила: „Посмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе?“⁸² Я стала рассматривать указанную мне одну сторону залы – и что же? Вдруг вижу, что одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня!» Говоря это, Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потом продолжала: «Эта девица, улыбнувшись, погрозила на меня! Потом, по указанию Царицы, я начала рассматривать другую сторону залы и увидала на одной из девушек такой красоты венец, такой красоты, что я даже позавидовала! – проговорила Елена Васильевна, вздохнув. – И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшие в обители, и теперь еще живые, и будущие! Но называть их не могу, ибо не велено мне говорить. Выйдя из этого зала, двери которого за нами сами же затворились, подошли мы к третьему входу и очутились снова в зале, несравненно менее светлом, в котором также были все наши же сестры, как и во втором – бывшие, настоящие и будущие; тоже в венцах, но не столь блестящих, и называть их мне не приказано. Затем мы перешли в четвертое зало, почти полумрачное, наполненное все также сестрами, но лишь настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали; иные были скорчены болезнью и без всяких венцов, со страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала как бы печать болезни и невыразимой скорби. „А это нерадивые! – сказала мне Царица, указывая на них. – Видишь ли, – продолжала она, – как ужасно нерадение! Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда не могут уже радоваться!“ Ведь тоже все наши сестры, батюшка, но мне запрещено называть их!» – объяснила Елена Васильевна и горько заплакала.

Как только ушел о. Василий из келии, причастив Елену Васильевну, она сказала Ксении: «Ксения! Вынесите сейчас же от меня икону

⁸² В цензорской правке выделенный фрагмент выглядит иначе: «Осмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе?» – сказала Она мне милостиво.

Страстной Божией Матери в церковь! Это икона чудотворная!» Она была на время перенесена в келию из церкви. Сестры молча выслушали приказание, но оно показалось им странным, и они не исполнили его, полагая, что Елена Васильевна говорит в бреду или в забытьи, но умирающая, быстро поднявшись и строго посмотрев на послушниц, сказала с упреком: «Ксения! Всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь перед смертью это делаешь! Я вовсе не в бреду, как вы это думаете, а говорю вам дело! Если вы икону теперь не вынесете, то вам не дадут уже вынести ее, и она упадет! Вот вы не слушаете, а после сами же будете жалеть!» И едва успели вынести икону, как ударили к обедне. «Сходи-ка, Ксения, к обедне, – проговорила Елена Васильевна, – да помолись за всех нас!» «Что это вы, матушка, – испуганно сказала Ксения Васильевна, – а вдруг...» (умрете вы! – хотела было сказать она). Но Елена Васильевна, не дав ей закончить, произнесла: «Ничего, я дождусь!» И когда Ксения вернулась после обедни, то Елена Васильевна встретила ее словами: «Вот видишь ли, я сказала, что дождусь, и дождалась тебя!» Потом, обращаясь ко всем, продолжала она: «За все, за все благодарю вас! И вы меня все Христа ради простите!» Ксения, видя, что Елена Васильевна вдруг вся просветлела и отходит, испуганно к ней бросилась и стала молить ее еще сказать: «Матушка... тогда... нынче ночью-то, я не посмела тревожить и спросить вас, а вот теперь вы отходите... скажите мне, матушка, Господа ради скажите, вы видели Господа?!» – «Бога невозможно человекам видети, на Негоже... не смеют чини ангельстии взирати!» – тихо и сладко запела Елена Васильевна, но Ксения продолжала молить, настаивать и плакать. Тогда Елена Васильевна сказала: «Видела, Ксения, – и лицо сделалось восторженное, чудное, ясное, – видела как неизреченный Огонь, а Царицу и Ангелов видела просто!» «А что же, матушка, – спросила опять Ксения, – а вам-то, вам-то что будет?» «Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, – произнесла смиренная праведница, отходящая ко Господу, – Он не оставит!» Затем она начала говорить о церкви, как и что должно делать, чтобы она была всегда в порядке, и заторопила послушниц: «Собирайте меня скорее, скорее, не отворяя двери! Выносите сейчас же в церковь! А то сестры вам помешают и не дадут собрать!» «Поздно, матушка, не успеем до вечерни», – ответила ей Ксения. «Нет, нет, успеете еще! – как бы торопясь, говорила Елена Васильевна... – Как я говорю, так и делайте! Слушайтесь, да скорее, а то Бог накажет! Спихватитесь после, да уж поздно будет, не воротите!» И сестры стали ее спешно убирать. «Ох! Ксения! Ксения! Что это? – вдруг воскликнула она, испуганно прижавшись к послушнице. – Что это?! Какие они безобразные; это враги!.. Ну, да эти вражие наветы уже ничего мне не могут теперь сделать!» Затем совершенно покойно она потянулась и скончалась.

